

УДК 343.139

**ЗАКРЫТОЕ СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ:
АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ****Анна Федоровна Зотова**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, anya2091@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу принципа открытости судопроизводства в уголовном процессе России и проблемам применения закрытых судебных заседаний. Автор отмечает, что, несмотря на конституционный статус открытости (ст. 123 Конституции Российской Федерации), в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 241) этот принцип редуцирован до уровня «общего условия», что создает концептуальную неопределенность и способствует расширительному толкованию предусмотренных законодателем исключений. Среди ключевых проблем — недостаточная обоснованность решений судов о закрытии заседаний, отсутствие четких критериев «достаточности доказательств» для таких решений, а также риски нарушения принципа состязательности из-за ограниченного доступа стороны защиты к информации. Особое внимание уделяется отсутствию обязательной аудиозаписи закрытых заседаний, что ставит под сомнение правомерность деятельности суда и затрудняет апелляционное обжалование. Исследование подчеркивает необходимость реформ для соблюдения баланса между открытостью судебного разбирательства и защитой прав и законных интересов его участников. Автор предлагает свое видение совершенствования соответствующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, ограничения открытости судебного заседания, закрытое судебное заседание

Для цитирования: Зотова А. Ф. Закрытое судебное заседание в уголовном судопроизводстве России: анализ законодательства и пути его совершенствования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 57—64.

**CLOSED TRIAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA:
ANALYSIS OF LEGISLATION AND WAYS TO IMPROVE IT****Anna Fyedorovna Zotova**

Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, anya2091@yandex.ru

Abstract. The article deals with the analysis of the principle of openness / transparency of legal proceedings in the criminal proceedings in Russia and the problems related to conducting closed trials. The author of the article notes that despite the constitutional status of openness / transparency (Article 123 of the Constitution of the Russian Federation) in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (Article 241) this principle is reduced up to the level of a "general condition", which forms conceptual uncertainty and contributes to expansive interpretation of the exceptions provided for by the legislator. Key issues include insufficient justification of court decisions to close trials, the lack of clear criteria for "sufficiency of evidence" for such decisions as well as the risks of violating the adversarial principle due to limited access of defending party to information. The author of the article pays attention to the absence of mandatory audio recording of closed trials, which calls into question the legality of the court's activities and complicates appeals. The study emphasizes the necessity for reforms to maintain a balance between the openness / transparency of court proceedings and the protection of the rights and legitimate interests of its participants. The author offers his point of view to improve the relevant provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, restrictions on trial to be open / transparent, closed trial

For citation: Zotova A. F. Closed trial in criminal proceedings of Russia: analysis of legislation and ways to improve it. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 57—64, 2025. (In Russ.).

Принцип открытости судопроизводства является одним из краеугольных камней демократического правосудия. В Российской Федерации он закреплен на конституционном уровне, в ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020), которая провозглашает: «Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом». Эта норма подчеркивает фундаментальное значение открытости для всей системы правосудия. Она способствует обеспечению общественного контроля за отправлением правосудия, повышению уровня доверия населения к судебной системе и служит важной гарантией соблюдения прав участников процесса, включая обвиняемого [1].

Несмотря на конституционный статус и общепризнанную важность, реализация открытости в уголовном судопроизводстве и, соответственно, в судебной практике признается «недостаточно эффективной». Более того, в правовой доктрине существует академическая дискуссия о том, является ли гласность как требование открытости «фундаментальным принципом» уголовного судопроизводства или лишь «общим условием» его проведения [2]. Данная дискуссия возникла достаточно обоснованно. В статье 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) статус конституционного принципа судопроизводства значительно понижен до уровня общего условия судебного разбирательства, при этом применена в том числе альтернативная терминология — гласность. Между тем неразрешенность названного вопроса имеет глубокие негативные последствия для правоприменительной практики. Если гласность (открытость) воспринимается как основополагающий принцип, то любые исключения из нее должны толковаться максимально узко и применяться лишь в исключительных случаях. Однако если она рассматривается как «общее условие», то это может привести к более широкому толкованию оснований для закрытия заседаний. Такая концептуальная неопределенность относительно нормативного веса гласности может способствовать непоследовательности в судебных подходах. По мнению прокуратуры, судьи, рассматривающие гласность скорее как условие, могут быть

более склонны удовлетворять ходатайства о закрытии заседаний без строгих обоснований, что, в свою очередь, подрывает дух открытости и делает закрытые заседания «менее исключительными», чем это предполагается конституционной нормой¹.

Закрытое судебное разбирательство по своей сути является законодательно предусмотренным исключением из общего правила открытости и допускается только в случаях, прямо предусмотренных федеральным законом. Основная цель закрытого судебного заседания — защита особо значимых публичных и частных интересов, которые могут быть нарушены в условиях открытого разбирательства. К таким интересам относятся сохранение государственной или иной охраняемой законом тайны, обеспечение безопасности участников процесса, защита неприкосновенности частной жизни, а также интересы несовершеннолетних. Закрытое заседание может выступать в качестве самостоятельной меры безопасности участников уголовного процесса, предусмотренной ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Актуальность исследования проблем, связанных с практикой закрытых судебных заседаний, обусловлена тем, что, несмотря на наличие четких законодательных оснований, отечественная практика применения закрытых заседаний порождает ряд системных проблем [3]. Эти проблемы связаны с необходимостью поддержания надлежащего баланса между открытостью судебного заседания и необходимостью защиты конфиденциальных данных и обеспечения безопасности участников судебного разбирательства. Выявленные сложности касаются обоснованности решений о закрытии судебного заседания, объема процессуальных прав его участников в условиях ограниченной гласности, а также вопросов адекватной фиксации хода разбирательства и последующего контроля за законностью судебных актов.

Статья 241 УПК РФ является ключевой нормой, закрепляющей механизмы реализации конституционного принципа открытости судопроизводства во всех судах и судебных инстанциях. Одновременно она определяет исчерпывающий перечень исключений, допускающих закрытое судебное

¹ Гласность в ходе судебного разбирательства: Прокуратура Московской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_50/activity/legal-education/explain?item=5000658 (дата обращения: 25.05.2025).

разбирательство на основании определения или постановления суда. К ним законодатель отнес:

— разглашение государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны (сведения, составляющие коммерческую, банковскую, врачебную, иную профессиональную, а также личную и семейную тайну);

— рассмотрение уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими 16 лет, в целях защиты интересов несовершеннолетних (предотвращение их психотравмирования и разглашения сведений об их личности);

— рассмотрение уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, других преступлений, когда существует угроза разглашения сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства либо сведений, унижающих их честь и достоинство;

— обеспечение безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц;

— исследование в судебном разбирательстве переписки, записи телефонных и иных переговоров, телеграфных, почтовых и иных сообщений лиц, материалов личного характера в отсутствие согласия этих лиц.

Судебные заседания в закрытом режиме имеют ряд особенностей. Предварительное слушание, являющееся одним из этапов судебного производства, проводится судьей, безусловно, единолично и в закрытом судебном заседании с обязательным участием сторон (ч. 1 ст. 234 УПК РФ). Закрытое судебное заседание проводится на основании судебного решения. В определении или постановлении суда о проведении закрытого разбирательства должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых суд принял данное решение (ч. 2.1 ст. 241 УПК РФ). Это требование призвано обеспечить обоснованность и произвольность ограничения открытости и соответствует норме-принципу, закрепленному в ст. 7 УПК РФ. Суд при этом вправе вынести решение о рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании как в отношении всего судебного разбирательства, так и в отношении соответствующей его части.

Несмотря на законодательное требование указания «конкретных, фактических обстоятельств» для закрытия заседания, на практике возникает серьезная проблема, связанная с «достаточностью совокупности таких доказательств». В частности, неподтвержденная или предположительная инфор-

мация о потенциальной угрозе не может служить достаточным основанием для закрытия, поскольку это необоснованно ограничивает конституционное право граждан присутствовать в суде [4]. Расхождение между четким законодательным требованием и практикой его применения указывает на то, что суды могут принимать или быть представлены обоснованиями, которые являются расплывчатыми или основанными на непроверенных данных, особенно когда речь идет о таких вопросах, как угрозы безопасности. Это создает лазейку, при которой формальное требование о «конкретных обстоятельствах» соблюдается лишь поверхностно, а существенная доказательственная база для закрытия оказывается слабой. Фактически бремя доказывания необходимости закрытия судебного заседания может быть ниже, чем предполагалось законодателем. Это, в свою очередь, ослабляет исключительный характер закрытых заседаний, позволяя обходить конституционный принцип гласности через недостаточно обоснованные оправдания. Для стороны защиты это представляет определенную трудность, которая заключается в том, как эффективно противостоять ходатайству о закрытии, если его фактическая основа неясна или не подтверждена, что потенциально нарушает право на публичное разбирательство без должного контроля.

Одной из наиболее острых проблем является поддержание баланса между принципом гласности и необходимостью обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Как уже отмечалось, закрытое судебное заседание является одной из мер безопасности. Однако ключевой проблемой остается определение «достаточности совокупности доказательств» для принятия решения о закрытии заседания, особенно когда основанием служит обеспечение безопасности участников [5]. Неподтвержденные, голословные сведения о наличии реальной угрозы жизни и здоровью участников судебного заседания не могут быть основанием для ограничения гласности.

Возникают сложности и при применении мер безопасности, когда о возникновении названных угроз становится известно в период после направления материалов уголовного дела в суд, но до начала судебного разбирательства. Верховный Суд Российской Федерации¹ рекомендовал судам

¹ Вопрос о необоснованном проведении закрытых судебных заседаний в решениях Европейского Суда по правам человека: комментарий к постановлениям от 25 октября 2016 г. по делу «Чаушев и другие против

принимать решение о закрытом заседании даже в случаях, если меры безопасности не были приняты на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, что обуславливает необходимость уточнения законодателем ч. 2 ст. 241 УПК РФ.

Использование закрытого судебного заседания как меры безопасности, хотя и является необходимой и легитимной целью, несет в себе значительный риск злоупотреблений или чрезмерного применения. Отсутствие четкой и детализированной связи между ранее принятыми (или не принятыми) мерами безопасности на досудебной стадии и основанием для закрытия судебного заседания может привести к тому, что суды будут закрывать заседания на основании общих или недостаточно обоснованных угроз, без должного анализа альтернативных, менее ограничивающих мер. Более того, конфиденциальный характер самих мер безопасности создает напряжение с принципом состязательности: стороне защиты ограничен доступ к информации о защищаемых лицах или к обоснованиям необходимости закрытия, что потенциально способно ограничить право на справедливое судебное разбирательство и на равенство сторон.

Если сведения о досудебных мерах безопасности не детализированы как прямое основание для закрытия судебного заседания, суды могут прибегать к более широким толкованиям «безопасности», что делает обоснование менее конкретным и более трудным для оспаривания. Секретность мер безопасности (например, данные о личности защищаемых участников уголовного судопроизводства, источник данных, подтверждающих реальность угроз, характер применяемых мер защиты и др.) означает, что защита может не получить полного раскрытия информации о том, почему потерпевший, свидетель или обвиняемый нуждается в защите и почему судебное заседание должно быть закрыто. Это ограничивает возможность стороны защиты провести перекрестный допрос лиц, оспорить правомерность применения мер безопасности или проведение судебного заседания в закрытом режиме. Такая ситуация создает значительный риск проведения несбалансированного судебного разбирательства, где интерес стороны обвинения в защите потерпевшего или свидетеля

России» (жалобы № 37037/03, 39053/03 и 2469/04) и от 21 ноября 2017 г. по делу «Ламбин против России» (жалоба № 12668/08) // Academia.ILPP.RU. URL: <https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/MP3272018-003-013-SHablinskij.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

может непреднамеренно (или преднамеренно) превалировать над фундаментальным правом обвиняемого на справедливый суд. Подобные ситуации часто становятся предметом рассмотрения международных правозащитных органов, таких как Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), которые требуют строгой пропорциональности и необходимости любых ограничений публичных слушаний¹.

В условиях проведения закрытых заседаний доступность сторонам процесса (в первую очередь стороне защиты) материалов уголовного дела, содержащих конфиденциальную информацию (например, государственную, коммерческую тайну, личные сведения), не может быть ограничена, особенно если на основе этих материалов судом по делу принимаются решения. Если сторона процесса не может получить полного доступа к доказательствам и оспорить их целостность, соответственно, и правомерность всего судебного процесса ставится под сомнение.

Недостаточная определенность положений, закрепивших в ч. 5 ст. 241 УПК РФ право на ведение аудиозаписи и письменной записи в **открытом** судебном заседании, а с разрешения суда и фотографирование (видеозапись, киносъемка), трансляцию **открытого** судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Несмотря на признание ЕСПЧ правомерным не только применение аудиозаписывающих устройств, но и транслирование выдержек полученных записей в средствах массовой информации (СМИ)², а также запрет Пленума Верховного Суда Российской Федерации до вынесения и оглашения определения о закрытии судебного заседания удалять из зала лиц, не являющихся участниками процесса, и представителей СМИ, а после оглашения решения представители СМИ должны иметь возможность удалиться последними³, учеными ука-

¹ «Санди Таймс» (The Sunday Times) против Соединенного Королевства: решение Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 1979 г. // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://www.base.garant.ru>. (дата обращения: 21.04.2025).

² Пинту Коэльо (Pinto Coelho) против Португалии (№ 2) (жалоба № 48718/11): постановление ЕСПЧ от 22 марта 2016 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.03.2025).

³ Об открытости и гласности судопроизводства и доступе к информации о деятельности судов: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации

зывается на существенный недостаток комментируемых положений.

Осталась неохваченной процедура фиксации закрытого судебного заседания не только его участниками, но и сторонами процесса; при этом других электронных, объективно и достоверно фиксирующих процесс средств, законодатель не предоставил (ч. 1 ст. 259 УПК РФ). Несмотря на то что названное положение не вызвало у Конституционного Суда Российской Федерации возражений¹, М. С. Колосович назвала отсутствие такой регламентации в условиях отсутствия контроля со стороны общественности серьезным и невосполнимым нарушением прав сторон процесса. По мнению профессора, «если потерпевший или подсудимый не вправе самостоятельно вести запись заседания, эту деятельность должен обеспечить суд, создав условия, препятствующие утечке информации» [6, с. 445].

Поддерживая данную позицию, добавим, что запрет или отсутствие обязательной аудиозаписи в закрытых заседаниях лишает стороны и вышестоящие инстанции важнейшего инструмента для точной фиксации свидетельских показаний, объяснений сторон и действий суда [7]. Аудиозапись является надежным средством для проверки хода процесса, позволяя вышестоящим судам верифицировать протокол и предотвращать его искажения. Без аудиозаписи сторонам процесса крайне трудно сослаться на конкретные нарушения, что существенно затрудняет подготовку апелляций и оспаривание неточностей в письменном протоколе.

Отсутствие четкого и обязательного регулирования аудиофиксации в закрытых заседаниях по уголовным делам создает значительный пробел в процессуальных гарантиях защиты прав и механизмах контроля. Если суд не ведет обязательную аудиозапись закрытого заседания, то письменный протокол становится единственным источником информации о ходе процесса, что делает его уязвимым для неточностей, субъективных интерпретаций или даже преднамеренных искажений. Это

существенно ограничивает возможности вышестоящих судов по проверке законности и обоснованности судебных актов, принятых в закрытом режиме, подрывает принцип судебного контроля и снижает эффективность права на обжалование, поскольку отсутствует объективная основа для проверки заявленных нарушений. Отсутствие четкого, обязательного требования к ведению судом аудиозаписи во всех закрытых судебных заседаниях создает критическую уязвимость.

Закрытый режим судебного заседания сводит к минимуму участие общественности в судопроизводстве, а значит и общественный контроль, который в обычных условиях служит сдерживающим фактором от возможного произвола или некомпетентности судьи. Если письменный протокол является единственной записью, он по своей природе менее надежен и более подвержен ошибкам или манипуляциям, поскольку субъективен, т. е. зависит от человеческой транскрипции и интерпретации. Это представляет собой серьезную проблему для соблюдения надлежащей правовой процедуры. Без объективной и всеобъемлющей записи того, что произошло на закрытом заседании, способность подсудимого оспаривать процессуальные ошибки, неточности фактов или поведение суда серьезно затруднена. Это ограничивает эффективность апелляций и кассации, потенциально приводя к судебным ошибкам, которые трудно обнаружить или исправить. Данный системный недостаток подрывает саму целостность судебного процесса.

Эффективность судебного контроля зависит от строгого соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства на уровне первой инстанции и надежного апелляционного пересмотра. Если первоначальные «конкретные, фактические обстоятельства» (ч. 2.1 ст. 241 УПК РФ) являются расплывчатыми или не подвергаются тщательной проверке, рассматриваемое решение суда становится и для участников судебного разбирательства, и для общественности неочевидным, а значит, и нелегитимным.

Без общественного контроля (который по определению отсутствует в закрытых заседаниях) и, возможно, без объективных записей оспаривание таких решений в апелляционной инстанции становится чрезвычайно сложным. Это создает ситуацию, когда решение о закрытии, даже если оно формально обосновано, фактически лишено существенной подотчетности. Если общественность и юридическое сообщество не могут эффективно отслеживать причины проведения закрытого

от 13 декабря 2012 г. № 35 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.03.2025).

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Виноградова Аркадия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2010 г. № 794-О-О // Там же.

судебного заседания, возможно произвольное ограничение фундаментальных, конституционно гарантированных прав.

Практика других стран относительно публичности уголовного судопроизводства и ее ограничений имеет свои особенности. Так, в Германии, в отличие от России, принцип публичности судебного разбирательства напрямую ни в Основном законе Германии¹, ни в УПК Германии² не закреплен. Между тем законодательная регламентация в иных нормативных предписаниях Германии (Закон о судоустройстве Германии³) закрепляет схожие с уголовно-процессуальным законодательством России положения. Законодательство обеих стран предусматривает схожие основания для проведения судебного заседания в закрытом режиме: рассмотрение дела с участием лиц, не достигших 16 лет, преступления, затрагивающего интимные стороны жизни лица или унижающие его честь и достоинство, разглашение государственной или иной охраняемой законом тайны, а также обеспечение безопасности участников процесса и их близких.

Однако есть и существенные различия в подходах к провозглашению приговора и ведению аудио- и видеозаписи [8]. В России приговор суда или иное итоговое решение провозглашается в открытом судебном заседании, а в случае рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании оглашаются только вводная и резолютивная части приговора (ч. 7 ст. 241 УПК РФ). В Германии, напротив, приговор всегда провозглашается публично в полном объеме, даже если дело слушалось в закрытом заседании (§ 171a, 171b, 172 Закона о судоустройстве Германии). Различия в подходе к провозглашению приговора демонстрируют фундаментально разную степень приверженности принципу прозрачности даже закрытого заседания.

¹ Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 (в ред. до 20 октября 1997 г.). URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=155> (дата обращения: 20.05.2025).

² Strafprozessordnung der Bundesrepublik Deutschland vom 1. Februar 1877: Bundesministerium der Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/index.html> (дата обращения: 12.05.2025).

³ Gerichtsverfassungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 9. Mai 1975 (BGBl. I S. 1077), das zuletzt durch Artikel 14 des Gesetzes vom 27. Dezember 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 438) geändert worden ist. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gvg/BJNR005130950.html#BJNR005130950BJNG000100666> (дата обращения: 12.05.2025).

Полный текст приговора, включающий подробное обоснование суда, фактические выводы и юридические заключения, имеет решающее значение для общественного понимания, контроля и доверия к судебному процессу. Ограничивая публичное оглашение приговора лишь вводной и резолютивной частями, Россия сохраняет большую степень конфиденциальности в отношении мотивировочной части приговора, что может негативно сказаться на понимании обществом судебного процесса и контроле за ним, даже если само ограничение открытости судопроизводства было обоснованным. Германия же стремится максимизировать прозрачность деятельности государственных органов там, где это возможно, даже в условиях определенной конфиденциальности, предоставляя общественности обоснованное судебное решение в полном объеме.

В свою очередь, в отличие от отечественного законодательства, в Германии производство участниками процесса аудио-, кино- и телесъемки в ходе основного судебного разбирательства запрещено (§ 169 (2) Закона о судоустройстве Германии).

Несколько иная правоприменительная практика (относительно реализации принципа публичности судебного разбирательства) сложилась в США. Политика Министерства юстиции США (DOJ) (изложенная в разъяснениях § 50.9 Электронного свода федеральных постановлений⁴) подчеркивает жизненно важный общественный интерес в открытых судебных разбирательствах, устанавливая общую обязанность правительства противодействовать их закрытию. Юристы обязаны защищать общественный интерес в открытых разбирательствах, выступая против их закрытия, соглашаясь на закрытие разбирательства только тогда, когда это «явно необходимо для интересов правосудия», а именно:

— отсутствие разумной альтернативы закрытому режиму судебного заседания;

— закрытый режим направлен на предотвращение возможного наступления вреда от открытого разбирательства;

— степень закрытости заседания должна быть минимизирована;

— общественность должна быть уведомлена о предлагаемом ограничении публичности судебного разбирательства (если только раскрытие

⁴ Policy with regard to open judicial proceedings: Electronic Code of Federal Regulations (e-CFR). URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/28/50.9> (дата обращения: 27.05.2025).

деталей ходатайства не сведет на нет причину закрытия);

— протоколы закрытых судебных заседаний будут рассекречены, как только интересы, требующие их закрытия, отпадут;

— возможно наступление от открытого судебного разбирательства следующих последствий: существенная вероятность отказа в праве любого лица на справедливый суд; существенная вероятность неминуемой опасности для сторон, свидетелей или других лиц; существенная вероятность серьезного ущерба текущим расследованиям.

Записи любого закрытого судебного разбирательства, в соответствии с этими правилами, через 60 дней после завершения разбирательства должны быть пересмотрены для определения, применимы ли еще причины закрытия. Если нет, будет подано соответствующее ходатайство о рассекречивании записей. Если причины засекречивания записей не были устранены, вопрос об их открытии должен задаваться каждые 60 дней, причем до тех пор, пока записи не будут рассекречены.

Опыт США демонстрирует крайне строгий подход к закрытию судебных заседаний, рассматривая его как крайнюю меру, применение которой должно быть не только минимизировано, но и обосновано. Это подчеркивает приоритет принципа публичности судебного разбирательства, ориентируя суды на максимальную прозрачность их деятельности, даже в условиях применения рассматриваемых ограничений.

На основании изложенного приходим к следующим выводам.

1. Принцип открытости судопроизводства, закрепленный в Конституции Российской Федерации (ст. 123) как фундаментальный, в УПК РФ (ст. 241) редуцирован до уровня «общего условия», что создает концептуальный конфликт: если открытость это принцип, то исключения должны толковаться узко; если общее условие, то возможно введение более широких ограничений.

2. Законодательно регламентированы конкретные фактические обстоятельства для закрытия судебного заседания (ч. 2.1 ст. 241 УПК РФ), но на практике суды могут принимать решения на основе расплывчатых или непроверенных данных (к кото-

рым можно отнести гипотетическую угрозу жизни и здоровью лица), что подрывает исключительный характер закрытых судебных заседаний и ослабляет общественный контроль.

3. Закрытые судебные заседания необходимы для защиты охраняемой государством тайны, конфиденциальности частной жизни или безопасности его участников, однако отсутствие четких критериев «достаточности доказательств» для принятия рассматриваемого решения приводит к чрезмерному ограничению открытости. Особенно вызывает проблемы отсутствие связи между досудебными мерами безопасности и судебными решениями, что может привести к нарушению принципа состязательности сторон.

4. Отсутствие требования об обязательной аудиозаписи закрытых судебных заседаний создает риски искажения протоколов, ограничивает возможности апелляционного обжалования, а в итоге — фундаментального права на справедливое судебное разбирательство.

Нынешняя практика закрытых заседаний в России демонстрирует системные риски ограничения прав участников процесса и требует реформ для соответствия стандартам справедливого правосудия. В связи с этим представляется необходимым законодателю:

— закрепить открытость судебного разбирательства как принцип уголовного судопроизводства, а не общее условие;

— усилить требования к обоснованности решений о проведении судебного заседания в закрытом режиме, исключив гипотетические угрозы;

— ввести обязательную аудиофиксацию закрытых судебных заседаний для обеспечения общественного контроля и реализации права на обжалование;

— закрепить детализированную процедуру рассекречивания материалов судебного разбирательства после устранения оснований для его закрытия (по аналогии с США);

— обеспечить оглашение мотивировочной части приговоров, даже вынесенных по результатам закрытого судебного заседания (как в Германии), для повышения доверия к деятельности судов.

1. Потапенко С. В. Гласность как общее условие судебного разбирательства и как конституционный принцип в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1. С. 103—107.

1. Potapenko S. V. Publicity as a general condition of trial and as a constitutional principle in the criminal proceedings. Theory and practice of social development; 2022: 103—107. (In Russ.).

2. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 536 с.

3. Грибунов О. П., Гапонова В. Н., Никифорова Е. В. Реализация принципа гласности в современном уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2. С. 14—21.

4. Дмитриева А. А. Ограничение гласности уголовного судопроизводства как условие безопасности участников уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26, вып. 5. С. 97—101.

5. Рамазанов Р. М. Закрытое судебное заседание как самостоятельная мера безопасности участников уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. Т. 31, вып. 2. С. 286—290.

6. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2018. 579 с.

7. Алиев Р. Т. Закрытое судебное заседание и ограничения процессуальных прав лиц, участвующих в гражданском процессе // Право и управление. 2023. № 12. С. 148—152.

8. Курочкина Ю. С. Сравнительный анализ судебного следствия России и Германии // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т. 27, вып. 4. С. 115—117.

Зотова Анна Федоровна,

старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
anya2091@yandex.ru

2. Kolosovich M. S. Procedural means of ensuring publicity and secrecy in the criminal proceedings: conceptual foundations. Dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2019: 536. (In Russ.).

3. Gribunov O. P., Gaponova V. N., Nikiiforova Ye. V. Implementation of the principle of publicity in modern criminal proceedings. Journal of the Tula State University. Economic and legal sciences, 14—21, 2021. (In Russ.).

4. Dmitriyeva A. A. Limiting the publicity of criminal proceedings as a condition for the safety of participants in criminal proceedings. Journal of the Udmurt University. Series "Economics and Law", 97—101, 2016. (In Russ.).

5. Ramazanov R. M. Closed trial as an independent security measure for participants in criminal proceedings. Journal of the Udmurt University. Series "Economics and Law", 286—290, 2021. (In Russ.).

6. Kolosovich M. S. Procedural means of ensuring publicity and secrecy in the criminal proceedings. Monograph. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 579. (In Russ.).

7. Aliyev R. T. Closed trial and restrictions on the procedural rights of persons participating in the civil process. Law and Management, 148—152, 2023. (In Russ.).

8. Kurochkina Yu. S. Comparative analysis of the judicial investigation in Russia and Germany. Journal of the Udmurt University. Series "Economics and Law" 115—117, 2017. (In Russ.).

Zotova Anna Fyedorovna,

senior lecturer at the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
anya2091@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.04.2025; одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 03.04.2025; approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *